

3. Радьяр Д. Планетаризация сознания. М., 1995. 302 с.
4. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. 336 с.
5. Пестель Э. За пределами роста. М., 1988. 269 с.
6. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания : трансатлантический диалог. 2004. 248 с.
7. Уайт Л. мл. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 196–197.
8. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54–59.

Globalization of Environmental Consciousness

N. Ya. Veretennikov

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: tatochka064@mail.ru

The article is focused on the process of environmental conscience globalization, which is founded on human consciousness ability to perceive and recognize existence of a single *biosphere + human community* system. Planetary environmental conscience evolvement and formation factors are studied, such factors being: empirical knowledge acquired when a person is interacting with natural environment, great discoveries, international commercial and economic relations widening, travelers and scientists' writings. Reasons for and solutions to modern global ecologic problems aggravation are revealed. Synergetic constructive principles of co-evolutional development and multilevel and supercomplex socio-natural systems interactions are highlighted. The necessity to upgrade educational programs is discussed.

Key words: ecology, consciousness, globalization, social ecology, coevolution, biosphere, synergetics.

References

1. Granin Yu. D. Globalizatsiya i natsionalnye formy globalizatsionnykh strategiy (Globalization and national forms of globalization strategies). *Filosofskie nauki* (Philosophical sciences), 2007, no. 9, pp. 9–17.
2. Liseev I. K. Ekologicheskoe myshlenie v osoznanii globalnogo mira (Ecological thinking in realizing global peace). *Filosofskie nauki* (Philosophical sciences), 2011, no. 8, pp. 56–63.
3. Rudhyar D. *The Planetarization of Consciousness from the Individual to the Whole*. Santa Fe, 1981. 254 p. (Russ.ed.: Radiyar D. *Planetarizatsiya soznaniya ot individualnogo k tselomu*. Per. S. L. Udovik. Moscow, 1995. 302 p.).
4. Elias N. *The Society of Individuals*. Dublin, 2001. 241 p. (Russ.ed.: Elias N. *Obshchestvo individov* / per. V. I. Evseichev. Moscow, 2001. 336 p.).
5. Pestel E. *Beyond the Limits of Growth*. New York, 1989. 191 p. (Russ.ed.: Pestel E. *Za predelami rosta*. Per. L. A. Knina. Moscow, 1988. 269 p.).
6. Grof S., Laszlo E., Russell P. *The consciousness revolution. A transatlantic dialogue*. New York, 1999. 198 p. (Russ.ed.: Grof S., Laslo E., Rassel P. *Revolutsiya soznaniya: transatlanticheskii dialog*. Per. M. Drachinskogo. Moscow, 2004. 248 p.).
7. White L. Jr. *The Historical roots of our ecological crisis*. Science, 1967, vol. 155, pp. 1203–1207 (Russ. ed.: Uayt L. ml. Istoricheskie korni nashego ekologicheskogo krizisa. *Globalnye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti*. Moscow, 1990. 191 p.).
8. Orlov M. O. Etika diskursa kak osnova strategy sotsializatsii v globaliziruyushchemsya mire (Discourse ethics as the basis of socialization strategies in a globalizing world.) *Izv. Sarat. Univ. New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2012. Vol. 12, iss. 2, pp. 54–59.

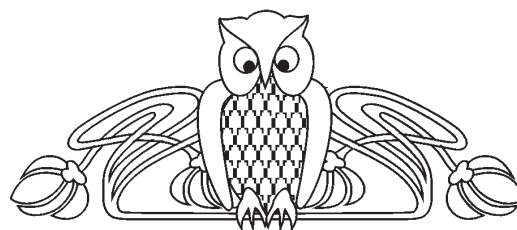
УДК 165

МИКРОАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО И СТРАТЕГИИ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гусева Ирина Ивановна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии, Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: iris212009@rambler.ru

В статье анализируются исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук, ориентированные на локальные, индивидуальные формы бытия социального. Подчеркивается, что в этом контексте именно отдельное, индивидуальное становится принципом, организующим социальную действительность. Смена методологических ориентиров рассматривается на материале исторической (микроистория) и социологической науки (биографический метод). Обосновывается невозможность «схватывания» определённых измерений социальности при использовании исследовательской «оптики» уровня макроконцепций. Показано, что микроистория и биографический метод как разновидность

микросоциологии – это не некие «периферийные» дополнения к теории, но иные – по сравнению с макроконцепциями – способы проблематизации и теоретизации социально-исторической реальности.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, стратегии исследования, микроистория, биографический метод, микросоциология.

Современные дискурсы социально-гуманитарных наук отличает возрастание научного интереса к локальным формам бытия соци-

ального. Именно отдельное, индивидуальное становится принципом, организующим социальную действительность, раздвигая рамки классической субъект-объектной парадигмы и формируя фундамент новой, постклассической рациональности. Стратегии исследования бытия индивидуального эпистемологически соразмерны отдельным, сингулярным началам, таким как ситуация, случай, индивид или вещь.

Рассмотрим эти тенденции подробнее на материале исторической и социологической науки. Наш выбор обусловлен тем, что в комплексе социально-гуманитарного знания история традиционно представляет идеографическую стратегию, а социология – номотетическую. Мы хотим показать, что, несмотря на разность «эпистемологических режимов», в этих науках прослеживаются сходные процессы, о которых говорилось выше. Смена ракурса исследования – от «макро» к «микро» – в исторической науке наиболее рельефно проявилась, безусловно, в микроистории, о чем свидетельствует само название этого направления. В современной социологии же, на наш взгляд, свидетельством упомянутых метаморфоз являются успехи биографического метода, который, по существу, превратился в самостоятельную исследовательскую стратегию.

Примат практики, экспериментирующий характер, возвращение познавательной ценности исторического знания (в противовес постмодернистскому пантекстуализму) привлекли к микроистории внимание многих гуманитариев во всём мире. В данной статье мы остановимся на философско-эпистемологических аспектах микроистории.

Очень часто смысл названия «микроистория» упрощенно сводят только к уменьшению масштаба наблюдения, связывая микроанализ с изучением малого исторического объекта. С этой точки зрения, если воспользоваться известной иллюстрацией самих представителей этого направления, местная коммуна, например, – предмет изучения микроистории, а взаимосвязь между коммунами, областями, государствами изучает история более «крупного масштаба». Но в такой трактовке масштаб онтологизируется, рассматривается только как характеристика самой реальности. В действительности же, когда идёт речь о масштабе, далеко не всегда имеются в виду параметры исследуемых объектов. По выражению Ж. Ревеля, «масштаб становится средством особой стратегии познания». Он сравнивает использование «микроисторической оптики» с изменением масштаба в картографии: оно «не тождественно укрупнению или уменьшению реальности, которая остаётся неизмен-

ной, той же самой, оно приводит к трансформации содержания представляемого объекта (т.е. происходит выбор того, что можно представить на карте)» [1, с. 240].

Против понимания микроистории как серии иллюстраций-миниатюр, «живых» зарисовок жёстко и определённо высказался К. Гинзбург в лекции, прочитанной им в ноябре 2003 г. в РГГУ: «В общественных науках теорию иногда имплицитно отождествляют с широким подходом а la Макс Вебер, а микроисторию – с конкретными попытками спасти от забвения жизни маргиналов, побеждённых. Если принимать такие определения, то микроистория будет вынуждена примириться с периферийной, внетеоретической ролью, которая не бросит вызова господствующим теориям». Другой, избранный самим К. Гинзбургом и его единомышленниками способ обращения к истории, по его убеждению, даёт «возможность разрушить некоторые преграды, которые, как думают многие, разделяют микроисторию и теорию. Выбранная наугад жизнь может сделать “конкретно видимой” попытку унифицировать мир и некоторые её следствия» [2, с. 28]. Эти слова были произнесены в контексте опыта микроанализа жизни Жана-Пьера Пюрри, одного из пионеров капиталистического завоевания мира. Речь идёт о взгляде на эпоху первоначального накопления капитала через призму жизни конкретного человека. Вполне естественно в этой связи выступает обращение итальянского историка к К. Марксу и М. Веберу. Примечательно, что в рамках своего исследования К. Гинзбург не просто показывает сильные и слабые места двух самых влиятельнейших социальных концепций – он, по сути, осуществляет опыт проблематизации этих концепций. Говоря о несовместимости Ж.-П. Пюрри с «идеальным типом» Вебера и о «выпадении» своего героя за пределы конфигурации модели Маркса, К. Гинзбург фиксирует нечто большее, чем просто изъяны знаменитых теоретических конструкций. Он ставит проблему невозможности «схватывания» определённых измерений социальности при использовании исследовательской оптики уровня макроконцепций.

Итак, задача микроанализа не в том, чтобы множить примеры с целью их последующего обобщения. Масштаб как характеристика изучаемых объектов не является предметом главного интереса для микроисторика. Здесь главное, что *уменьшение масштаба* или «применение микроскопа» в истории не просто локализация наблюдения, а возможность открыть механизмы конструирования воспроизводимых социальных порядков. Сторонники микроанализа предлагают смотреть на прошлое, отказавшись от

преимуществ (часто мнимых) того ракурса, с которого прекрасно виден итог исторического пути. Выбор микромасштаба даёт возможность реконструировать жизненные стратегии, видимые только с очень близкого расстояния. Применение исследовательской «оптики» такого плана становится актом деконструкции априорных социальных стратификаций и позволяет посмотреть на прошлое как на переплетение различных возможностей, из которых далеко не все воплотились в действительность. Рассмотрение «под микроскопом» позволяет увидеть такой контекст, который выявляет не заметную на уровне макроанализа значимость вещей: «...индивиды непрерывно творят свою идентичность, группы складываются во время конфликтов и на основе солидарности, их характеристики не устанавливаются априорно, а являются результатом динамики, которая сама становится предметом анализа» [3, с. 180]. Так, за образом обезличенного рынка приоткрываются личные, социальные, семейные связи, от которых зависят уровень цен, время и способы перехода земельной собственности из рук в руки. И в этом контексте становятся значимыми и стратегии выбора брачных партнёров, и динамика обмена книгами, и частота обращений за материальной и социальной помощью в пределах локальной социальной общины. Социальный мир предстаёт не как объект с заданными свойствами, а как система развивающихся, изменяющихся взаимосвязей.

Одно из принципиальных расхождений между макро- и микроисторией связано с пониманием роли единичного, случайного. Забвение уникального и индивидуального в пользу безликих макроструктур – основная претензия микроанализа к традиционной историографии. В фокусе микроистории как истории социальных общностей – повторяющиеся события, регулярности, её кредо – это обращение к серии и числу, предметом исследования является типичное, повторяющееся. В микроистории же действует установка на аномалию, а не на аналогию. При этом наибольший интерес представляют такие случаи, которые невозможно редуцировать к типичному, не укладывающиеся в определённые нормы и требующие интерпретации с учётом специфики контекста. На первый план выдвигается не социальная когерентность, но, по выражению Дж. Леви, «зазоры» в социальных системах, так как именно в них проявляется возможность свободы выбора индивидов, и впоследствии именно стратегии «маленьких людей» формируют новые механизмы агрегации системы.

Роль казуса для осмысления контекста в том, чтобы выявить противоречия, неравновесность

системы, которая только на уровне теоретической конструкции кажется унифицированной. Путь от казуса к общему – это не путь простой индукции, а одно из направлений интерпретации социальной системы, когда маргинальное не отбрасывается как досадное недоразумение, а позволяет увидеть тот или иной социальный порядок как подвижный, открытый, не ставший, а становящийся.

Ещё один аргумент в пользу микроистории: Р. Харре обращает внимание на то, что существуют социальные стереотипы очень малого масштаба, которые «выживают» даже в периоды крупномасштабных социальных изменений [4, с. 101]. Впитанные с детства, воспринимающиеся как самоочевидности, подвергнутые микроанализу, они могут стать ключом к смысловой реальности данного социального порядка.

Итак, в арсенале микроистории следующие подходы и методологические установки: изменение масштаба наблюдения, деконструкция априорных схем социальной стратификации, принцип неоднородности и динамичности социального контекста, новая трактовка пограничного случая, с точки зрения исторической генерализации. Ценность и новизна микроистории, кроме её ярко выраженного гуманистического и антирелятивистского пафоса, заключается в разработке и необычайно эффективном и тонком применении очень цельной методологической стратегии. Эпистемологический статус микроистории можно, как нам представляется, определить следующим образом: *микроистория – это направление историографии, основанное на исследовательской стратегии особого рода, позволяющей через реконструкцию опыта отдельного индивида и микрогрупп выйти на уровень объективации социального.*

Таким образом, идеи дискретности и гетерогенности, ставшие атрибутом образов социальной реальности в философской рефлексии и концепциях социально-гуманитарных наук во второй половине XX в., получили своё конкретно-научное воплощение в технике микроанализа исторического прошлого. Уменьшение масштаба в микроисторических исследованиях является познавательной стратегией, соразмерной новому образу социально-исторического универсума.

В современной социологии также все более популярными становятся подходы, основанные на принципах индивидуализма, ориентированные на локальные формы бытия социального. Например, гуманистическую социологию интересует, какие мотивы, какие личностные, семейные выборы привели к тому, что жизненные «маршруты» оказались именно такими, и в итоге именно так определилось место в соци-

альной иерархии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это проясняет, почему такая социология получила название гуманистической: возможность выбора, выхода за границы того, что считается социальной нормой в данное время в данном обществе, обычно заявляемая на уровне ценностно-смысловой сферы, здесь становится предметом исследования. Таким образом, вариативность человеческого поведения, неизбежное разрушение социального стереотипа, связанного с выполнением той или иной социальной роли, выступают не как допустимые «погрешности», но, по существу, становятся онтологическим фундаментом этой исследовательской стратегии.

С развитием гуманистической, или качественной социологии многие исследователи справедливо связывают обретение особого эпистемологического статуса биографическим методом. Остановимся на этом подробнее.

Ренессанс биографического метода наблюдается в социологии начиная с конца 70-х гг. XX в. Как и в историографии, актуализация и переосмысление возможностей биографического метода в социологии является одним из направлений «антропологического поворота». У этого ренессанса есть как эпистемологические причины, связанные с возрастанием роли качественных методов в социологии, так и онтологические, такие как осознание ценности различных типов субъективного опыта, поведенческих стратегий, плюрализма повседневных практик – словом, всё то, что у П. Бергера получило название «индивидуация жизни», у З. Баумана – «индивидуализированное общество».

В классической социологии биографический метод являлся периферийным инструментом исследования, поскольку предметом социальной науки считались крупномасштабные социальные взаимодействия и структуры. В социологии эпохи постмодерна он перестал быть просто одним из методов, но выступает маркером генеральной исследовательской стратегии, направленной на выявление механизмов воспроизводства социального посредством обращения к субъективному и индивидуальному. Кульминацией этой стратегии выступает эпистемологическая переоценка роли единичного случая: «...один единственный случай может превзойти несовершенство теории или суммированных результатов предшествующих эмпирических исследований и тем самым способствовать новым теоретическим продвижениям, эмпирическим дополнениям» [5, с. 22].

По законам жанра, биография всегда выходит за рамки нормативности. Кроме того, в мире постсовременности, где существует плюрализм идентичностей, дифференцируются типы биографий – в соответствии с усложнением жизнен-

ных перспектив. Поэтому, как и в историческом исследовании, использование биографического метода в социологии наталкивается на главное «эпистемологическое препятствие»: проблему репрезентативности индивидуального – достоверности той информации, которая получается «на выходе» биографического исследования. Сторонники биографического метода в этой связи обращают внимание на нетождественность регулярности и закономерности, типичного и репрезентативного. Исследователя интересует не частота повторяемости, а, по выражению В. Фукс-Хайнрица, «репертуар возможностей» различных жизненных вариантов. Жизненный пример интересен не только сам по себе, а как один из вариантов реализации поведенческих стратегий – на фоне других вариантов, в сравнении и часто по контрасту с ними. Главной исследовательской задачей становится необходимость «улавливания» в конкретной биографии факторов, конституирующих социально-типическое. Естественно, для того, чтобы это стало возможным, биографические свидетельства, полученные путём опросов и интервью, должны быть дополнены информацией из другого типа источников, таких, например, как публичные и частные архивные материалы. Такое понимание и применение биографического метода снимает напряжённость дихотомии микро- и макросоциологии.

Отмечается интересная тенденция: если раньше в социологии биографический метод чаще всего использовался для изучения тех групп, которые с трудом поддаются пространственной и временной локализации, и в силу этого становятся проблематичными их масштабные серийные обследования [6, с. 44], то теперь он выступает в качестве генеральной стратегии, направленной на выявление механизмов воспроизводства социального посредством обращения к индивидуальному. Тем самым, как и в случае микроистории, эпистемологическая направленность этой стратегии дополняется экзистенциально-гуманистическими мотивами: представляется возможность исследовать вклад «мира доминируемых» в функционирование «фабрики значений», неустанно работающей на поддержание и воспроизведение социального порядка.

Важным исследовательским инструментом в таком направлении социологии, как социология памяти, является биографическое интервью. Биографическое интервью даёт возможность увидеть, как смешиваются и взаимодействуют макро- и микросоциальные факторы на протяжении всего жизненного пути индивида. Так, при исследовании проблемы миграции анализ

интеграции в ментальный мир нового общества обычно проводился на макроуровне, уровне национального государства. В настоящее время растёт интерес к внутреннему миру мигрантов, интеграции на уровне личности, а это, по мнению исследователей проблемы, прекрасная почва для применения биографического метода [7, с. 60]. Возьмём другой пример: большой интерес как для социолога, так и для психолога представляет то, как взаимодействуют брачные стратегии и различные модели карьеры и трудовой жизни. В этой связи Ж.-П. Альмодовар говорит о «черепицевидном» наложении перекрёстных видов анализа, представляющих как макро-, так и микроуровень исследования, позволяющем перейти от индивидуального к социальной динамике – и наоборот [8, с. 101].

Таким образом, микроистория, микросоциология, в частности, биографический подход как разновидность микросоциологии – это не некие «периферийные» дополнения к теории, но *иные* – по сравнению с макроконцепциями – способы проблематизации и теоретизации социальной реальности. Одним из главных открытий *другого* видения общества стало, по нашему мнению, открытие микромеханизмов производства и воспроизводства социального. Выбор «микроракурса» означает установку исследования на изучение конструирования социальной реальности в процессах совместной деятельности и коммуникации людей, действующих в конкретных обстоятельствах. Роль микростратегий состоит в том, чтобы сделать доступными для научного анализа эти новые ракурсы социального, ускользавшие от прежних парадигм. За счёт применения особой исследовательской «оптики» микроанализ даёт возможность отказаться от априорных конструкций и посмотреть на социальный порядок как подвижный, открытый, находящийся в процессе становления.

Таким образом, в возможностях микроанализа фокусируются многие ключевые проблемы современных социальных исследований: это и построение новой онтологии мира культуры, и выстраивание новых форматов «схватывания» социальности, и, наконец, стержневая проблема объективности социально-гуманитарного знания.

Список литературы

1. *Ревель Ж.* Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 236–261.
2. *Гинзбург К.* Широты, рабы и Библия : опыт микроистории // Новое литературное обозрение. 2004. № 65(1). С. 18–34. URL: <http://www.helsinki.fi/collegium/events/Purry.pdf> (дата обращения: 18.01.2014).
3. *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167–190.
4. *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Вопр. философии. 2006. № 11. С. 94–103.
5. *Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии : история, методология, практика. М., 1994. С. 11–41.
6. *Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. М., 2002. 295 с.
7. *Аарелайд-Тарт А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социс. 2003. № 2. С. 59–67.
8. *Альмодовар Ж.-П.* Рассказ о жизни и индивидуальная траектория : сопоставление масштабов анализа // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 98–104.

Microperspectives of the Social and their Research Strategies

I. I. Guseva

Saratov State Socio-Economic University
89, Radisheva, Saratov, 410003, Russia
E-mail: iris212009@rambler.ru

This paper analyzes the research strategies of social and liberal sciences, focused on local, individual forms of existence of the social. It emphasizes that in this context particularly the certain, individual becomes the principle which organizes social reality. The change in the methodological milestones is considered on the historical (microhistory) and social science (biographical method) material. It grounds impossibility of «grasp» of the certain sociality measures when using research «optics» on the macroconcepts level. It shows that microhistory and biographical method as a microsociology type are not some «peripheric» additions to the theory but alternative – in comparison with macroconcepts – problematization and theorization methods of socio-historical reality.

Key words: social and liberal sciences, research strategy, microhistory, biographical method, microsociology.

References

1. Revel J. Microanalysis and the Construction of the Social. *Histories. French Constructions of the Past*. Ed. by J. Revel, L. Hunt. New York, 1996, pp. 492–502 (Russ. ed.: Revel Zh. Mikroanaliz i konstruirovaniye socialnogo. *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshey istorii*. Moscow, 1996, pp. 236–261).
2. Ginsburg C. *Latitude, Slaves and the Bible: An Experiment in Microhistory*. Available at: <http://www.helsinki.fi/collegium/events/Purry.pdf> (accessed 18 January 2014) (Russ. ed.: Ginsburg K. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, no. 65 (1), pp. 18–34).
3. Levi G. On Microhistory. *New perspectives on historical writing*. Ed. P. Burke. Oxford, 1991, pp. 93–113 (Russ. ed.: Levi G. K voprosu o microistorii. *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshey istorii*. Moscow, 1996, pp. 167–190).
4. Harre R. Konstruksionizm i osnovaniya znaniya. *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2006, no. 11, pp. 94–103.

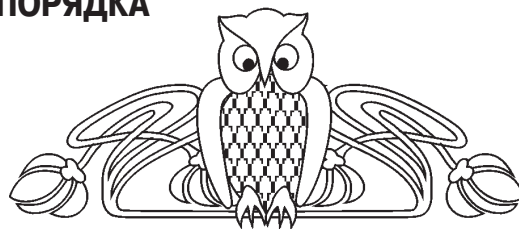
5. Fuchs-Heinritz W. *Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden*. Wiesbaden, 2005. 330 p. (Russ.ed.: Fuks-Hainritz V. *Biograficheskiy metod. Biograficheskiy metod v sociologii: istoriya, metodologiya, praktika*. Moscow, 1994, pp. 11–41).
6. Devyatko I. F. *Metody sociologicheskogo issledovaniya* (The methods of sociological research). Moscow, 2002. 295 p.
7. Aareleid-Tart A. Problemy adaptatsii k novym kulturnym realiyam v zerkale biograficheskogo metoda (The problems of adaptation to new cultural realities through the prism of the biographical method). *Sociologicheskie issledovaniya* (Sociological research), 2003, no. 2, pp. 59–67.
8. Almodovar J.-P. Recits de vie et trajectoires individuelles une confrontation d'echelles d'analyse. *Annales de Vaucresson*, 1987, no. 26, pp. 123–132. (Russ.ed.: Almodovar J.-P. Rasskaz o zhizni i individualnaya traektoriya: sopostavlenie masshtabov analiza. *Voprosy sociologii*, 1992, vol. 1, no. 2, pp. 98–104).

УДК 316.772

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ОПЫТЕ РОССИИ И КИТАЯ

Данилов Сергей Александрович –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

Статья посвящена влиянию духовных оснований на политический порядок и модернизационное развитие обществ. В центре сравнительного анализа оказывается исторический опыт и перспективы России и Китая. Анализируются религиозные, духовно-нравственные факторы, определяющие структуру политического порядка и его динамичные состояния. Определяется, что обществам России и Китая свойственна ориентация на традиционализм, коллективизм, патернализм, религиозность. Данные социокультурные начала выступают эффективным механизмом адаптации инновационных импульсов, поступающих в общественную систему. Это подтверждает и сравнительный анализ модернизационных процессов в России и Китае, и если в отечественном измерении это была «модернизация рыбка», то в опыте Поднебесной это системно-стратегическое планирование изменений.

Ключевые слова: политический порядок, традиция, модернизация, духовно-нравственные основы, риски, Россия, Китай.

Вопрос о развитии обществ и перспективах государств в условиях нарастания информационного разнообразия и рискогенности определяется построением политических стратегий и принятием эффективных решений [1, с. 126]. В условиях многообразия глобального общества особую актуальность получает вопрос о диалоге культур и цивилизаций, способных оказать решающее влияние на формирование многополярности этого мира. Ключевой темой в этом контексте оказывается вопрос о политическом порядке и его социокультурном измерении. Политический порядок как совокупность факторов (действий, условий), направленных на урегулирование политических процессов, эффективное существование и развитие политической системы общества,

характеризуется, по мнению А. И. Демидова, следующими эффектами: согласованностью элементов, эффективностью ресурсов, безопасностью функционирования, а согласно А. И. Парфенову, «если власть нормирована, а ее воздействие носит системный характер, мы можем говорить о наличии социального порядка» [2, с. 22].

Сама сущность политики заключается в направленности на упорядоченность политических процессов и институтов, что обеспечивает стабильность и эффективное функционирование социально-политических систем. Необходимость согласования разнообразных и противоречивых социальных интересов и построения интегрирующего вектора развития создает в то же время потребность в преодолении возникающих противоречий. Тенденции упорядочивания и хаотизации являются фундаментальными характеристиками и определяют амбивалентную сущность политического. Огромную роль в вышеупомянутых процессах играют социокультурные факторы, оказывающие непосредственное влияние на политический порядок, ритмику и динамику социальных изменений [3].

В анализе опыта России и Китая такой актуальной проблематикой выступает тема духовных оснований политического порядка. В китайском и российском измерениях мы обнаруживаем сильное влияние духовно-нравственных основ, находящихся свое выражение в менталитете, традициях, нравственных нормах, на структуру и динамичные состояния политического порядка. Это влияние взаимно: власть влияет на социокультурный поряд-